

В начале сентября, за день до прибытия делегации государства Ляо, был окончательно подсчитан список чиновников и вельмож, сопровождающих их в Цюйшоу.

Возможность сопровождать императора для участия в осенней охоте - очень высокая честь, а быть принятым самим императором - проявление завоевания императорского сердца, поэтому каждый раз списки на осеннюю охоту растут, а в этот раз тем более.

Другой причины нет. Сам император Сивэнь не заинтересован в Цю Шоу. Он заказывал только красавиц и красавцев, которых привозил гарем. Что касается того, кого брать, то это дела Чжэншитаня. Поэтому на этот раз не так важно, кого проверять. Чтобы заполнить сердце императора Сивэня, лучше посмотреть, кто в чьей команде стоит.

В результате число поехавших на этот раз стало самым большим в жизни династии Великого Чжоу.

Однако, сломя голову, Линь Цинъюй не ожидал, что станет одним из них.

"Разве я не ****? Я не могу выйти на улицу? В чем дело?" Линь Цинъюй указал на официальный документ.

Чэн Цзя нахмурился, веером в руке постучал по ладони и сказал: "Я спросил Фань Юя. Он сказал, что Дун Сян и Ван Сян напрямую назначили вас для участия в последней войне. Сяо Суй проиграл Яну. Чжао в руках, поэтому на этот раз я хочу, чтобы ты выступил и поднял престиж своей страны."

"Лжец! Чжао уже погибла в бою, поэтому она так процветает!" Линь Цинъюй внезапно взорвался и попросил ее участвовать, пока он видел Императора Сивэнь видел Сяо Суй видел группу людей, которые коллективно убили Ян Чжао , Она не могла не резать его прямо ножом.

Хотя они были раздражены, им пришлось уйти. Расспросив о правилах и требованиях Цю Шоу, Янь Ци и Ин 13 занялись делом.

Из-за ограниченного количества жилья в паддоке, большинство людей живут в палатках, также есть ограничения на количество свиты, которую можно привезти в зависимости от класса.

После входа в загон, он стал еще более ограниченным.

Ин Цзю взял с собой Е По, чтобы заранее отправиться в загон и посмотреть местность, Ин Ши 13 отвечал за всю подготовку материалов, а Янь Ци получил список на этот раз, чтобы проверить людей по одному, но это было опасно.

Шанхайский порт был создан, суда внутреннего плавания, построенные в Цюаньчжоу, были переданы компании Longmen для управления рекой Янцзы, и линии в открытом море также начали проходить. В этом году погода была ровной, а продукты богатыми. Сообщалось также об объемах производства ферм и закупок магазинов в различных местах. Поднимайтесь.

После того как Линь Цинъюй долго сердилась, у нее больше не было времени думать об этом, и она начала серьезно обдумывать свой национальный экономический план.

Осеннее солнце светит в окно, делая кабинет с широко открытым окном очень светлым. Зеленый дым в углу горелки для благовоний очень чистый и элегантный. Это аромат лично Чэн Цзя, даже аромат Линь Цинъюй. Люди, которые не простужаются, очень его любят.

Лин Цинъюй сидел за письменным столом, делал расчеты и чертил графики перед стопкой книг и писем. Чэн Цзя писал свою национальную политику на столе рядом с ним. Через некоторое время Чэн Цзя откладывал ручку, чтобы заказать чайник нового чая и налить ему чашку. Линь Цинъюй, полностью погруженный в свои дела, обычно пил прямо, что лишало его дара речи в ожидании кейса с книгами, но он не удивился.

Чэн Цзя видел планы Линь Цинъюя, и иногда давал некоторые предложения, но большую часть времени они вдвоем занимались своими делами. В кабинете царит тишина, если не считать звуков, издаваемых углем по бумаге, но очень мирная.

Чэн Цзя изредка поднимал голову, наблюдая, как Линь Цинъюй держит уголь, изредка хмурится, изредка улыбается, изредка улыбается узкой улыбкой.

Выражение его лица было чрезвычайно богатым, что заставляло его бессознательно улыбаться, и только чувствовалось, что он никогда еще не был таким сытым и умиротворенным.

Годы прошли спокойно.

18 сентября, после проведения торжественной церемонии, бригада начала движение к загону. Официальный путь от императорской армии, расчистившей дорогу первой, до свиты, покинувшей город последней, составил около десяти миль.

На осенней охоте солдаты, естественно, незаменимы на охоте. На этот раз не только лагерь охраны, но и Чжао Иньфэн и его подчиненные, сопровождавшие миссию государства Ляо в Пекин.

На этот раз Чжао Иньфэн вернулся с полным животом огня. По его мнению, он должен воспользоваться этим временем и сразиться с Елюем, чтобы полностью победить Сяо Суй, а затем отправиться сражаться с Елюем и собрать урожай земли Ляо. Для себя. Просто ему не терпелось подготовиться к битве, но он получил приказ от Чжао Минляна и старика не посылать войска! Чжао Иньфэн знал, что если он отправит войска в частном порядке, то будет привлечен к ответственности судом, но Чжао Минлян сказал, что ему не разрешено отправлять войска. Ему не только не разрешалось посылать войска, но он должен был сотрудничать с Сяо Суй для переговоров с Да Чжоу. Чжао Иньфэн знал, что Сяо Суй должен быть у него в руках. Ручка Чжао Минляна, это использовать эту ручку, чтобы семья Чжао выступила, чтобы решить угрозу со стороны Да Чжоу, в обмен на время для борьбы с Елюем.

Как только он вернулся, Чжао Иньфэн разыскал своего отца и неоднократно объяснял, что это прекрасная возможность. Если бы он смог воспользоваться возможностью и вернуть Кюсю Яньюня и даже уничтожить государство Ляо, это была бы большая заслуга. Но старик просто сказал, что если Сяо Суй откажется от Елюя и сосредоточится на борьбе с Чжао Цзяцзюнем? Тогда вся армия семьи Чжао будет потрачена впустую, и даже если будет сделан окончательный вклад, он не будет принадлежать семье Чжао.

Затем он приказал ему подчиниться Чжао Минляну очень суровым тоном, потому что он передал Чжао Минляну должность главы семьи Чжао.

Чувствуя разочарование, Чжао Иньфэн нашел Гао Вэньхэ, который все еще был в Бяньцзине, чтобы выпить, а затем услышал, как Гао Вэньхэ говорит о Празднике середины осени Вэньхуэй, а затем услышал, как Гао Вэньхэ с чувством сказал, что Ян Чжао женился на такой жене, и его сердце стало еще более неудобным. В смерти Ян Чжао была виновата семья Чжао. Хотя между Ян Чжао и Чжао Иньфэном всегда были ссоры, он действительно восхищался им. Поколение

воинов действительно погибло в результате заговора, но он знал об этом в то время, но не сообщил ему. Янь Чжао стал занозой в его сердце.

Не говоря уже о той женщине, Чжао Иньфэн не мог не посмотреть на две кареты в задней части команды.

Сопровождаемые высокопоставленными чиновниками и богатыми людьми Бяньцзина, транспортные средства более великолепны, чем автомобили, а слуги - более, чем семьи. Когда родственники выглядывают, чтобы полюбоваться пейзажами, они танцуют с Ингэ Янь. Только в этом особняке Дингуо, хотя карета большая, но непримечательная, рядом с ней не так много охранников, а женщина даже не показала головы.

Эта женщина также является занозой в его сердце, засевшей глубоко в его сердце, о чем он не знает, она не может обычно думать об этом, и если ее иногда трогать, то он будет испытывать очень неприятную боль. Более того, теперь из-за семьи Чжао она стала ****, у которой даже нет детей.

Отведя взгляд, посмотрев на высокие флаги стражников по обе стороны дороги, женщина... На второй день после возвращения в Бяньцзин Ван Хуэйлань послал кого-то встретить его в храме Сиань в пригороде Пекина.

Как только они встретились, Ван Хуэйлань заплакала и бросилась вперед, да так испуганно, что Чжао Иньфэн отпрыгнул на три шага назад, а потом двух принцев и наложниц окликнули серьезным тоном, прежде чем Ван Хуэйлань остановилась, а потом повернулась и бросилась дальше. Плакала на столе. Из того, что она говорила, прерываясь на недовольный плач, Чжао Иньфэн примерно понял, что она имела в виду. Это было не что иное, как то, что ее сейчас очень обидели, больно и жалко, подставили другие, понизили до наложницы у второго принца, и теперь она во дворце. Сложная ситуация, так много.

Чжао Иньфэн потерял дар речи. Интересно, что делал Ван Хуэйлань, когда пришел сюда? Выслушав ее плач в течение двух четвертей часа, Ван Хуэйлань сказала, что не может помочь, но готова уйти. Она надеялась, что Чжао Иньфэн будет напрямую предан второму принцу, и тогда она сможет сохранить свое положение королевы, когда второй принц станет королем. .

В это время Чжао Иньфэн просто поклонился и ушел. Он не знал, была ли это глупость Ван Хуэйланя, или тот человек, которого он считал очень глупым и обманщиком. На этот раз Чжао Минлянь оставил второго князя и сто тысяч новой армии в Вэйчжоу. Между Чжао Минлянем и вторым принцем уже был разлад. После того как второй князь и Хэйшуйгуань достигли близких отношений, разлад стал еще больше, поэтому второй князь ударил его по голове? Нет, второй принц не так глуп. Он хочет, чтобы его собственная жена, теперь уже наложница, произвела впечатление на пограничного генерала своими старыми чувствами. Искать следует также непосредственно его, чтобы произвести на него благоприятное впечатление. Итак, это были мысли самой Ван Хуэйлань, думавшей о том, чтобы позволить ему помочь ей по прежней дружбе, но откуда у нее была такая уверенность в том, что у них действительно была дружба, которая могла позволить ему сделать это для нее раньше? Если уж говорить о дружбе, то это должна быть та спасительная милость, с которой он трижды вытаскивал ее из ловушки, когда она была молода!

Вспомнив, что когда он уходил, выражение лица Ван Хуэйланя, что он думал, что согласился, Чжао Иньфэн вдруг почувствовал, что это действительно обман, что ему сказали влюбиться в Ван Хуэйланя раньше!

Такая женщина!

Покачивая головой, Чжао Иньфэн перестал думать об этом и, прищурившись, посмотрел на переднюю часть команды. Кортёж миссии государства Ляо находился перед домом Чжао. В это время я испугался, что Чжао Минлян снова пробрался в машину Сяо Суй.

О чем думали старик и Чжао Минлян, Чжао Иньфэн в глубине души ужасно догадывался, но не хотел смотреть правде в глаза, поэтому мог лишь продолжать оставаться своим генералом в городе, не зная об этом.

Загон находился немного в стороне от Бяньцзина. В ту ночь большая армия остановилась на отдых в центре. Каждая семья разбила свои палатки в отведенном месте. Слуги были заняты тем, что приносили воду и варили рис, а хозяевами были мужчины. Кто-то отправляется на охоту, кто-то из родственников отдыхает в палатках, а кто-то прогуливается на улице в окружении служанок.

Осенняя охота - лучшее время для встреч. Не только женщины-родственницы могут увидеть молодых мужчин в свежей одежде, но и подростки могут увидеть стиль девушек.

Янь Ци не взял с собой слишком много охранников, ни Су Му, ни Се Сабуро, у которого был глаз да глаз, только он, Ин Цзю Ин, Тринадцать Ночей и двенадцать охранников, которых привел Ван Цзуо. В этом случае, один - нет. Возможно, людей слишком много. Во-вторых, если есть чем заняться, слишком много людей могут решить эту проблему. Помимо охранников, с ним пришли Бай Вэй и две служанки. В конце концов, в таком открытом месте у Линь Цинъюя были только мужчины, прислуживающие ему, поэтому он не знал, что может случиться.

Еду семья Линга принесла сама. Как только мясо на гриле издало аромат, Чэн Цзя нашел его.

Посмотрев на палатку, Чэн Цзя непринужденно сел у костра и спросил: "Почему бы тебе не выйти?".

"Ты шутишь?"

"Ин Шисань взглянула на него, затем отложила мясо на гриле в сторону.

В конце концов, Лин Цинъю все еще новая вдова. Возможно, он привел ее сюда в этот раз, потому что хотел увидеть ее шутки. В это время может быть огласка.

"Разве нет еще маски Алана? Пусть она просто предстанет в образе служанки". Чэн Цзя рассмеялся. Говорят, что госпожа Ян никогда никуда не выходила. Он думал так раньше, и у него долгое время было разбито сердце. В результате там, где он не мог выйти, надев маску, этот человек съел все вкусности в ларьках на улицах и переулках Бяньцзина. ...

"Она сказала, что здесь лучше быть честным, в конце концов, здесь слишком много врагов, не боюсь десяти тысяч, но на всякий случай". Ин Тринадцатый передал кусок жареного мяса Чэн Цзя и сказал.

Чэн Цзя кивнул, откусил кусок мяса, затем встал и сказал: "Тогда я посмотрю на нее". После входа в загон состоится императорская церемония поклонения небесам. Их стражники не могут войти, только эта сцена. И не должно быть никого настолько глупого, чтобы беспокоить Лин Цинъю.

Разные взгляды уже были рядом, Чэн Цзя взял тарелку, взял несколько кусков мяса под

взглядом Ин Шисань, и неторопливо пошел обратно к месту Чэнфу.

Чэн Сян откинулся на кушетку в палатке. Тетя Юэ растирала ему плечи и била по ногам. Она смотрела, как вошел Чэн Цзя и сначала поклонился, а потом продолжил бить Чэн Сяна по ногам.

"Иди и повидайся с Ся Ся'эр". Чэн Сянвэй закрыла глаза и приказала. Тетя Юэ ответила, встала и вышла из палатки.

Чэн Цзя поставила тарелку перед Чэн Сяном, и от сильного мясного аромата Чэн Сян неосознанно открыл глаза, а затем сел.

Увидев, что отец с наслаждением откусывает кусок мяса, Чэн Цзя улыбнулся и сказал: "Брату Си почти пять лет, должен ли отец отпустить его в школу?".

Чэн Сян опешил, затем кивнул. Его жена умерла рано, оставив ему сына и дочь.

Его сын с детства проявлял большой талант, и он все еще питал большую привязанность к тетке, восходящей к близким детям, поэтому не стал возобновлять нити, а просто сосредоточился на обучении. Впоследствии сын стал премьер-министром. Он был занят деловыми вопросами, и сын не мог его контролировать. К счастью, этот сын был очень правильным. Даже если бы никто не руководил, он стал самым молодым чемпионом в Да Чжоу. После этого ему было все равно. сын. Что касается младшего сына, родившегося у тети Юэ, то он был еще более безразличен. Теперь, когда Чэн Цзя упомянул об этом, Фан вспомнил, что Чэн Сюаню тоже было пять лет, но он все еще воспитывался перед тетей Юэ. Это действительно было нехорошо.

Но этот сын, который не заставлял себя волноваться по этому поводу, сейчас действительно вызывал у него головную боль. Он остался с этой женщиной, не говоря уже о том, что полускрыл свою позицию, сделав его, премьер-министра, который всегда придерживался центристских взглядов, очень пассивным.

"Отец, семья Донг и семья Ванг слишком разбушевались. Если они займут престол, это определенно будет вредно для нас и Цинлю. Отец, ты когда-нибудь думал об этом, о четвертом принце?" Чэн Цзя под возмущенным взглядом премьер-министра скрутил кусок Мясо, спросил с улыбкой.

"Четыре принца?" Чэн Сян бессознательно сел, его глаза глубоко запали, когда он посмотрел на Чэн Цзя. За четырьмя принцами стоит семья Дэн, которая считается ученой семьей, и императору Сивэнь она нравится больше всех. Император Сивэнь несколько раз упоминал ему наедине, что хочет сделать четвертого принца принцем.

"Четыре принца и капралы очень дружелюбны к ученым, а у него нет сильной биографии. Он вынужден полагаться на поддержку нашего Цинлюя. По сравнению с семьями Дун и Ван, которые считают нас врагами, его гораздо легче контролировать". Словно не замечая взгляда Чэн Сяна, Чэн Цзя опустил глаза и сказал.

"Цзя'эр, в деле принца мы все равно не участвуем, просто продолжаем наблюдать". Чэн Сяншен сказал.

"Если, мой сын поймет". ответил Чэн Цзя, затем пододвинул тарелку поближе к Чэн Сяну и встал из палатки.

Он слишком хорошо знает своего отца, говоря, что тот является лидером Цинлю, но на самом деле он самый могущественный человек. Независимо от положения старшего принца и второго принца, кто-то неизбежно одолеет его. Как такое могло произойти с умом его отца? Он хранит молчание по вопросу о создании принца, но я боюсь, что в его сердце есть идея. Сегодня я попробовал, и оказалось, что так оно и есть.

В этом случае, когда Чэн Сян и император Сивэнь оба считали, что время еще не пришло, они не стали бы решать вопрос о кронпринце. В будущем битва при дворе неизбежно стала бы еще более зловещей! Однако все это не имеет к нему никакого отношения. Пока кто-то берет в руки эту голову, он, естественно, будет бороться за то, чтобы она была окровавлена. Если они не смогут удержаться и нанесут смертельный удар, династия рухнет.

Я не знаю, как долго может длиться такая счастливая жизнь...

Поскольку внешность Янь Ци была слишком красива, Линь Цинъюй попросил Янь Ци следовать за ним в карете, не показываясь на улице. После прочтения стольких сплетен, переданных из Красной Палаты, можно сделать вывод, что члены большой семьи Бяньцзин на самом деле являются базовым лагерем драмы собачьей крови. Если не говорить о женщинах-членах семьи, то мужчины играют еще более агрессивно, за исключением тех, кого не грабят и не обворовывают. Лянмин, есть еще люди, которые любят хризантемы, и большинство людей имеют так много красивых маленьких слуг только для того, чтобы избавиться от огня. Хотя Янь Ци становится старше, его внешность и темперамент более очаровательны и трогательны, думая, что если он будет привлекать других...

"Меня взорвали в таком преклонном возрасте, боюсь, я не смогу вернуть свою жизнь". Линь Цинъюй не обратил внимания на его слова.

Янь Ци улыбнулся, обнял ее сзади за талию и улыбнулся: "Не волнуйся, я не позволю людям прикасаться ко мне, тем более моей хризантеме, разве ты не хорошо провела время?".

Лицо Линь Цинъюй покраснело после потирания, и его возненавидели навсегда!

Видя, что она смотрит на нее с сердитым лицом и краснеет, Янь Ци не могла не обнять ее крепче, а затем поцеловала в губы.

"Янь Ци, это снаружи..." Линь Цинъюй только сказал, его рот был заблокирован более плотно, и тогда Ин Шисань, которая пришла за едой, кашлянула, освободилась и почувствовала себя еще более раздраженной. Янь Ци посмотрел на него.

Янь Ци только усмехнулась, махнула рукой Ин Шисану, а затем засунула руку в рубашку и негромко рассмеялась: "Сегодня я научу тебя еще одному трюку, хорошо?".

Изогнутое тело лежало на мягкой подушке, красивые ягодички были наклонены вверх, а глаза, как шелк, дразнили ее туманом, прижимая ее руки теплыми ладонями к бедру. Линь Цинъюй только носом почувствовал тепло, быстро поднял голову и, хлопнув ладонями по бедрам, сказал: "Все еще играешь!".

Янь Ци хихикнула, перевернулась, взяла платок, чтобы помочь вытереть кровь из носа, и с улыбкой обняла ее: "Если тебе это нравится, признайся, мне нравится, когда ты меня обманываешь", - сказал он. Он поднялся и с улыбкой сказал: "Мне нравится и спереди, и сзади".

Линь Цинъюй посмотрел на него своими раскосыми глазами. Зная Янь Ци столько лет, он теперь знал, какова природа этого человека, он просто фея! В то время Янь Ци изучал **** в дополнение к боевым искусствам в Красной Палате. Чтобы найти Ван И для мести, он также специализировался на изучении хризантем. Как сделать последнего счастливым, это изучение - дело тонкое, так что он может позволить и такому осторожному человеку, как Ван И. Следуя его пути, после того, как Линь Циню напилась в тот день, Янь Ци начал учить Линь Циню тому, чему она научилась, чтобы она могла по-настоящему понять и оценить, как сделать мужчину-хризантему счастливым, наблюдая за ее запутанными, робкими, но любопытными глазами.

Казалось, что Янь Ци была очень довольна, и с тех пор заставила его полюбить ее.

"Янь Ци, ты..." Линь Цинъюй фыркнула, когда он окинул ее недобрый взглядом с ног до головы.

Прислонившись к ее плечу, Янь Ци дважды ухмыльнулась, а затем тихо сказала: "Я буду такой только с тобой, не волнуйся, если кто-то другой прикоснется ко мне в будущем, это должен быть мой труп, который прикоснулся ко мне".

"Янь Ци!" Прикрыв рот, Линь Цинъюй сказал с гневом на лице: "Тебе не позволено так говорить!"

"Хорошо, - улыбнулась Янь Ци, убрала руку и сказала: "Понятно, даже к трупу можешь прикасаться только ты, ясно?"

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2535814>